

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 68 (4034)

Суббота, 30 мая 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ТЕПЛО ДРУЖЕСКИХ ВСТРЕЧ

Индийская газета «Нав Бхарат таймс» пишет о поездке Н. С. Хрущева в Албанию, что «этот визит привлечет внимание не только западных стран, но также и всего мира и будет значительным событием в современной истории».

И, действительно, вести, идущие со всех концов земли, свидетельствуют об огромном интересе мировой общественности к поездке советского партийно-правительственной делегации в Албанию. Людям в мире капитализма есть над чем призадуматься. Они видят, что дружба СССР с Албанией — это не просто наглядный пример осуществления мечты человека о подлинном братстве и содружестве наций. Эта дружба — еще одно свидетельство истинно равноправных отношений великой державы и малой страны.

Огромное впечатление произвело выступление Н. С. Хрущева перед рабочими текстильного комбината имени Сталина в Тиране. В этом выступлении, пишет греческая газета «Авги», «советский премьер протянул руку дружбы Греции, вызвав глубокий отклик в душе греческого народа». Немецкая газета «Нейес Дейчланд», поддерживая предложение о превращении Балканского полуострова в полуостров мира, излагает речь Н. С. Хрущева под заголовком: «Н. С. Хрущев ради мира мы готовы идти хоть на край света».

Европейские корреспонденты американских газет продолжают влететь в Албанию в связи с поездкой советской делегации. Есть старая русская поговорка об иноземных любителях измышлений. Она гласит: «Добро заморскому гостю врать». «Заморский гость» из «Нью-Йорк геральд трибюн» Лоуренс спешит передать с берегов Женевского озера, что визит Н. С. Хрущева говорит о предполагаемой аннексии Советским Союзом всех других социалистических государств, в том числе Восточной Германии. А раз так, глубококомисленно заключает сей стратег от пишущей машинки, «воссоединение Германии никогда не являлось целью Советского Союза».

Нет нужды повторять досужие вымыслы, ибо ничего нового в них нет, эти повторения сродни попыткам дважды съесть один пирог. Поездка советской делегации в Албанию на виду у всего мира. Прекрасным ответом на все «откровения» западной прессы может служить тот энтузиазм, та радость, какими встречаются советских посланцев Тирана и Дурреса, Эльбасана и Корча, Пешкопия и Берат, города и селения Албании. И хотя у нас погода прохладна и дождлива, к нам, преодолевая высокие горы, доходит волна тепла, согревающая эти дружеские встречи на албанской земле.

То, что человечество не может жить только тревогой о судьбах мира, для которой сейчас есть все основания, неопровержимо утверждают всемирные фестивали молодежи и конгрессы в защиту мира. В этих грандиозных праздниках и мирных ассамблеях — воля народов к борьбе за мир, сила и уверенность человечества в справедливости завтрашнего дня, уверенность в торжестве доброй, не имеющей предела человеческой мысли.

На земле идет борьба старого мира аверженной злобы и ненависти с новым миром добра и дружбы, и, видимо, людям земли придется приложить немало усилий для торжества того дня, когда, как некогда мечтал поэт,

...народы, распри
в великую семью
соединятся.

У людей много песен, грустных и веселых, тоскливых и бунтующих, но самым трогательным по своей сердечности голозом на любом языке звучат колыбельные песни. В них материнская надежда и вера голосом самой жизни поет о своем будущем, о своей вечной заботе, о живом огне человеческого сердца. Эти песни звучат всегда и везде, они немолчны, как сама жизнь. Они просты. Они не приукрашены. Они выросли, как цветы надежды, из глубины материнского сердца.

Матери мира душой своей знают, сколько погубило их детей на кровавых полях войны. Будущие ученые и поэты, музыканты и художники легли в сырую землю на жестоких дорогах войны, не успев отдать людям огонь своей души, пламень своего таланта. Многие из них в самый расцвет юности, с беззаветной храбростью героев, ценою своих жизней отстаивали день, в который мы живем, хлеб, который мы едим, воздух, которым мы дышим.

Горе матерей — ни с чем не сравнимое горе. Слезы матери — ни с чем не сравнимые слезы. Потрясающе написал об этом великий Некрасов:

То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

И видел эти слезы и в блокадном Ленинграде, и на лице женщины из Хиросимы, и на лицах матерей из сожженной, сравненной с землей и вновь возрожденной Лидице. У мира в памяти еще не потух ужас второй мировой войны. Разве можно забыть незабываемое? Слышком дорог нам стал мир, слышком прекрасен он!

И живу в большом доме. Он выстроен на месте разобранного квартала. В нашем доме живут рабочие, артисты. У нас очень хороший двор с подрастающим садиком и фонтаном. В ясные дни, и зимой, и летом, во дворе не умолкает детское гомло. Сейчас самые маленькие, играя в песочке, не находят больше осколков. Жизнь идет, меняется и меняет мир. К великой моей радости, ребята постарше, растущие на моих глазах, перестали играть в войну, они придумывают новые игры в «полеза мира», в «спутников», снова играют в неизменные игры всех мальчишек — футбол, лапту и прятки.

Зимой этого года я жил в деревне. Как-то вечером четырехлетний Вовка, сыннишка мой хозяйки, отказался укладываться спать. Я подслушал разговор между матерью и сыном.

Мир — детям мира!

— Почему ты не хочешь спать?
— Там фашисты!
— Какие фашисты?
— Мне ночью приснилось, что меня поймали фашисты, а я хитрый: проснулся и убежал. Они меня там во сне ищут... Милый, хитрый Вовка! И очень не хочу, так же как и многие люди на земле, чтобы тебе снились такие сны. Но для этого, дорогой мой Вовка, нам, очень многим людям земли, надо сделать очень многое. И я хочу, чтобы сегодняшний день, День защиты детей, отдал от твоей кровати приснившийся сон.

Томас Эллиот, этот отчаявшийся во всем и перетрусивший талантливый человек, кричит:
— Пустота летит в пустоту!
Меня воспитывали по-другому. Я не подпишусь под этим. Очень многие люди на земле, дорогой Вовка, сказали свое решительное нет! И за это «нет!» надо бороться, не жалея своей жизни.

Недавно Н. С. Хрущеву вручали международную Ленинскую премию мира. На вручении Никита Сергеевич сказал:
— Советский народ, как и любой народ земного шара, стремится к миру. Не обратили ли вы внимание на такие, казалось бы обычные, вещи: когда люди просыпаются, они говорят друг другу: «Доброе утро! При встречах — Добрый день! А вечером, когда прощаются, говорят: Спокойной ночи!»

— Что означают эти пожелания? Люди желают друг другу добра. Говоря — спокойной ночи, — человек желает другому спокойного сна, отдыха после дневных трудов, покоя. Ведь каждый, ложась спать, хочет, чтобы ему был обеспечен покой, чтобы никто не потревожил его сна, не говоря уже о том, чтобы не было совершенно на него нападение, не было разрушено его жилище.

Так думают и так говорят многие люди на земле. Большинство людей. И они добьются своего. Они — очень упрямые люди. Они хотят украшать землю трудом своим ради детей своих, вроде таких мальчишек, как Вовка, потому что этому Вовке предстоит свершить такие дела, о которых и в сказках ничего не известно. Одно только известно, что эти дела будут посвящены человеческой радости, торжеству человеческой мысли, бессмертному человеческому сердцу.

Вот почему мы говорим:
Мир — детям мира!
Мир — нашему будущему!

Михаил Дудин

Заключительные дни смотра

В СОЮЗЕ писателей СССР под председательством о. м. С. В. Смирнова два дня проходили обсуждения азербайджанской поэзии. В дискуссии на тему «Традиции и новизна азербайджанской поэзии» приняли участие московские поэты и критики. Сегодня, 30 мая, — обсуждение азербайджанской драматургии.

Продолжаются встречи писателей Азербайджана с читателями. Большая группа поэтов выезжала в поселок Держинский Ухтомского района. Перед началом вечера литераторов приветствовали пионеры. По старинному русскому обычаю, жители поселка преподнесли гостям хлеб-соль. Вечер открыл А. Первенцев. Доклад об азербайджанской литературе сделал Мирза Ибрагимов. Затем поэты читали свои стихи.

Другая группа азербайджанских литераторов вместе с Б. Полевым побывала в Калинин. В драматическом театре состоялась встреча с трудящимися города. После выступления слова Т. Серенды были услышаны поэты. Вечер закончился концертом мастеров искусств Азербайджана.

Писатели Мехти Гусейн, Расул Рза, Мамед Рагим, Наби Бабаев и Байрам Байрамов выехали в Ленинград. Там они примут участие в большом литературном вечере.

Идут последние дни декады. Три своих заключительных выступления в Москве театр имени М. Ф. Ахундова целиком посвящает хореографическому творчеству. В его программе — балет А. Бадалбеяли «Девчичь башия», С. Гаджибекова «Польшия» и балет К. Нараяна «Семь красавиц».

Азербайджанский театр имени М. Азизбекова вчера во второй раз сыграл трагедию В. Шекспира «Отелло». В оставшихся дни коллектив покажет еще два раза драму Д. Меджидбекова «Бухта Ильича» и один раз — «Отелло».

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:
★ Михаил Дудин. Мир — детям мира!
★ Илья Сельвинский. Жизнь трагедии.
★ Леонид Леонов. Отрывок из романа «Вор».
★ Юрий Либединский. Слово о Леониде Леонове.
★ В. Шкловский. Не пишите рецензий для писателя...
★ С. Маршак. Иранский пейзаж.
★ Джаники Родари. Исповедь отца семейства.

Маленькие хозяева Москвы.

Фотохудож. А. Гличева

Илья Сельвинский

ЖИЗНЬ ТРАГЕДИИ

ДЛЯ ТОГО чтобы в литературе появились трагедии, необходимы особые условия. Главное в них — осознание обществом задачи времени и страстное стремление разрешить ее. Если этого условия нет, возникает жанр бескрылой драмы, которая может быть написана с исключительным блеском, но взлетать не будет.

Когда Пушкин писал своего «Бориса Годунова», Россия переживала канун декабрьского восстания. Революционная мысль о царской власти, которая может держаться только мнением народных, составляла в те дни наиболее возмущенную идею общества. В этом смысле «Борис Годунов» относится к эпохе 1825 года больше, чем ко времени лжедмитриев.

Эра социализма на первом же этапе своего развития призвала к жизни трагедии. Потребность в ней была настолько острой, что в этой области стали работать даже прозаики. Но трагедия, по моему, требует стиха: она обитает в сфере той патетической условности, которая не терпит прозы. Далее, поэзия, как и все на свете, развивается неравномерно: иногда она опережает свое время, иногда влечется за ним. Особенно относится это к лирическому жанру. Но трагедия, как жанр драматического поэзии, нуждается в опыте лирики, без которой немислима основная сила трагедии — монолог. Вот почему на призыв революционного народа к поэзии России отозвались такие поэтические культуры наших национальных республик, стих которых давно уже был подготовлен для выражения больших переживаний великой идеи нового времени. Эту идею дал им Октябрь, и вот появилась плеяда драматических поэтов, а в ней одна из самых ярких звезд — имя Самеда Вургуну.

Чем объясняется тяга трагедийных мастеров к историческим сюжетам? Гегель говорит об этом так: «Если берут материал поэтического произведения из настоящего времени, так что своеобразная форма этого материала, как она действительно принадлежит нам, уже зафиксирована в представлении со всех ее сторон, то изменения, от которых поэт не может отказаться, легко получают видимость искусственного и нарочитого. Прошлое же, напротив, принадлежит лишь области воспоминаний, а воспоминание уже само по себе облекает характеры, события и действия в одеяние всеобщности, через которое не проглядывают особенные, внешние и случайные частные черты».

Гегель писал о своих современниках. К нам, советским писателям, эта мысль неприменима: классовая борьба, определившая нашу эпоху, до такой степени обладала значением «всеобщности», что любой эпизод живой жизни мог быть поднят до трагедии.

Октябрьская революция сразу же нагроулила писателей огромным количеством дел. Надо было писать лозунги,

фельетоны, песни и марши, которые помогали бы людям работать и бороться; надо было создавать лирику, которая переплавляла бы в революционное мировоззрение самые жгучие противоречия человеческой стихии; надо было изображать новый быт в его борьбе со старым. Но, кроме всего этого, перед советским обществом стали возникать проблемы исторического прошлого, которые требовали марксистского освещения, ибо в свое время получили искаженные толкования, исходившие от враждебной народу власти. Пролетариат, давший человечеству новый взгляд на мир, не мог не взяться за распутивание и этого ула — ведь прошлое не умирает: оно творит сегодняшний день и заглядывает в грядущее. Если до Маркса история обычно осознавалась как альбом перенумерованных королей, то теперь она представляла как закономерность борьбы трудящихся за великие идеалы человечества. И этому придалось и совершенно естественное желание рабочего класса отделиться от себя тысячелетней жизни народа (тем более, что народ играл в этой жизни огромную роль): масса, как и отдельная личность, испытывает к своему прошлому не только критическое, но и лирическое чувство. Все эти причины и вдохновили Самеда Вургуну на создание лучшего своего произведения — трагедии «Вагиф».

Вагиф (Молла Панах) был придворным поэтом при Ибрагим-хане, влиятельном над Карабахом в XVIII веке. В то время на Востоке поэт отличался от поэта только высоким благородством своего жанра, по существу же, оба ставили перед собой одну и ту же задачу: развлекать царя. Правда, царь делал между ними разницу: если шут, подвергшийся немилости, изгонялся из двора вазехи, то гнев царя бросал поэта под ноги слугу, как об этом повествует Фирдоуси в сатире на султана Махмуда. Самед Вургун, влюбленный в поэзию Вагифа, освобождает его от необходимости обслуживать деспота. Он применяет очень убедительную мотивировку: Вагиф был при хане главным визиром, то есть первым министром; находясь на этой, столь высокой ступени общественной лестницы, он, по мнению Вургуну, мог и не петь оды своему властителю.

Увезда песню Вагифа из-под власти хана, драматург с огромной страстностью подчеркивает в ней народную идею. Идея эта проходит не только сквозь образ Вагифа, но и сквозь всю трагедию, пронизывая в той или другой степени едва ли не все персонажи. Такая особенность пьесы с неопровержимостью раскрывает в ее авторе человека социалистической культуры и еще раз утверждает ту простую истину, что современность в искусстве не только тема, а и отношение к ней.

В трагедии «Вагиф» есть все, что должно быть в трагедии: время, характеры, массовка, страсти, любовь, ненависть, борьба, смерть. Читая «Вагифа», вспоминаешь Шекспира и Пушкина, точнее — «Гамлета» и «Бориса Годунова». Но есть в пьесе черта, в такой мере свойственная только Самеду Вургуну: это его широкий лиризм. Образ Вагифа, как и другие образы трагедии, написан в реалистической манере. Не только нравы и обычаи, но даже вещи под пером поэта убеждают нас в своей достоверности. Возьмем хотя бы изображение посоха, подаренного Вагифу русской императрицей:

Что посох?.. Посох делала рука Искусника... Искусство — жить века. Волшебник дивный, мастер крепостной. Взял в руки ветвь орешника весной И выстрогал... Бессмертная резьба Живет по воле нищего раба, — И золото течет, и бирюза Горит, как русских девушек глаза!

(Перевод А. Адалис)

С такой же ювелирной тщательностью работает Самед над характерами главных своих героев. (Второстепенных наш автор с детской капризностью характеризует одним штрихом.) Вагиф не совершает никаких сверхъестественных подвигов, не творит никаких чудес: это живая человеческая личность в ее жизненных переживаниях. Вот перед нами милый дедушка; вот любящий муж, рыдающий в отчаянии от смерти жены; вот верный друг, глубоко раненный оскорблением, нанесенным его товарищу высокомерным ханом; вот преданный

ученик, не забывший о том, что он обязан своему учителю — Видади, поэту, значительно менее одаренному, чем он, Вагиф. И все эти грани психики изображаются Вургуну с удивительной естественностью.

Но основное в характере Вагифа — боль за народ. Драма Вагифа в том, что в связи со своим положением придворного сановника он не мог отделить себя от народа целиком, ибо не смел самовольно отказаться от поста первого министра. И вот тут-то, в раскрытии этой драмы, Вургун-поэт торжествует над Вургун-драматургом; я говорю о великодушных монологах Вагифа, которые к ужасу драматурга воспринимаются как законченные лирические стихотворения. Вот один из них:

ВАГИФ (сыну)
Прости меня, дитя мое, прости,
Что заставляю в юности цветущей
Тебя таять тютюны нести!
Бунтарь, ласунчик, обреченный воин...
Играл бы в мяч. А сколько есть забав!
Нет... Нет, не так. Ты большего

достойн,
Я тебя не отнял радость боя!
И если б я растил тебя, сынок,
В пуху лебяжьим нежа и покоя, —
Тогда бы ты простил меня не мог!
Что стоить жизнь, когда ее не стоим?
Кто любит жизнь — ей все отдаст любя!
Сын, радуйся, что счастье был героем
Родной отец не отнял у тебя!
Ты любишь, сын, далекий звук свирели,
Изломанные молнии дорог
На склонах гор?... И дух земли в апреле,
И в междуречьях солнечный дымок?..
Нет, мир не вечно будет людям тесен:
Для счастья мы живем. За далью лет
Я вижу все просторный, полный песен...
Не вечно ночь! Объян был расцвет.

(Перевод А. Адалис)

Таких монологов в пьесе очень много. Она буквально насыщена ими. Если бы вынуть их все и переплести в отдельную книжку, они составили бы томик вдохновенных и разнообразных лирических стихов.

Нужно воздать должное артисту русского театра Азербайджана К. Мяншиеву, который ведет эти монологи

удивительно смело и верно. Мне рассказывали, что, когда К. С. Станиславский ставил трагедию «Царь Федор Иоаннович», он воскликнул на одной из репетиций: «Уф! Слава богу! Наконец-то перестал чувствовать стихи». В то время приглушение стиха в стихотворной драме считалось высшим проявлением реализма. (С тех пор мхатовцы совсем разучились читать стихи!). Но сегодня мы воспринимаем реализм иначе, по-новому. Это отлично чувствует режиссер-постановщик спектакля, Адиль Искендеров, который открыл перед поэтической стихией широкий сценический путь. Артист Мяншиев, обладая звучным голосом, прекрасной дикцией и огромным темпераментом, подымается в монологах до символа и не «играет» их по-актерски, а читает, как поэт, заменяя театральную условность условностью музыкальной. И он одерживает победу: никакие батальные сцены с саблями, высекающими искры, никакие любовные ситуации, даже юмор сморохота не вызывают в зрительном зале таких аплодисментов, как эти лирические этюды Вургуну в передаче Мяншиева.

Но здесь речь идет уже не столько о характере реализма, сколько о характере советского зрителя, который по революционной своей природе романтичен и легко воспринимает яркость больших чувств. К сожалению, мало помогает и автору, и режиссеру, и зрителю художник Н. Фатуллаев. Декорации этого талантливого мастера сами по себе хороши: в них чувствуются архаизм эпохи и колорит нации. Но чего-то все же не хватает. Чего? Думаю — здесь противоречие в методах: в то время как поэт — весь в романтическом дышании, художник натуралистичен. Исключение — интерьер тюрьмы, который написан в несколько условной серо-серой гамме и сразу же вводит нас в атмосферу назревающего события.

«Вагиф» — трагедия, по своему художественному своеобразию выходящая далеко за пределы культуры одного Азербайджана. Это — явление нового стиля, в котором мощно отражается наша социалистическая эпоха.

У владимирцев

ВЛАДИМИРСКИИ ПОЧИН... Всего несколько дней назад опубликовано постановление ЦК КПСС об инициативе Владимирского обкома КПСС и Владимирского совнархоза, которые нашли возможным значительно увеличить выпуск продукции за счет реконструкции и расширения действующих предприятий. И вот уже опыт владимирцев обсуждают на предприятиях страны.

Наш корреспондент побывал на крупнейшем предприятии города — тракторном заводе.

— Что ж, двадцать пять тысяч машин сверх плана, что мы наметили, дадим, — говорит Илья Иванович Чернов, директор завода. — Странн сейчас большой корпус стандартного оборудования. Будем сами для себя изготавливать приспособления, транспортные устройства, модернизировать станки. Стоить это будет недорого, а даст большой экономический эффект...
Один из неутомимых рационализаторов завода наладчик Иван Николаевич Валуев сказал:
— Работаете, а сам приглядываетесь, не падает ли на крючок что-нибудь, над чем подумать стоит...
А на этот «крючок» пошло уже немало. Только за последние несколько

недель внесено свыше тысячи рационализаторских предложений. Осуществление же рассмотренных и принятых 75 предложений даст экономии более трех миллионов рублей! Это вклад в семилетку таких рабочих-новаторов, как И. Валуев, В. Гаурих, Г. Юданов и многие другие.

Наша бригада дала слово выполнять семилетнее задание за пять лет, — говорит руководитель бригады коммунистического труда Алвстина Хлопкова. — И мы уверены, что у нас найдется последователь!

На фото: рабочие вместе с технологами обсуждают очередное рационализаторское предложение. Слева направо: бригадир Алвстина Хлопкова, инженер-технолог Л. Боров, рабочий Э. Минин, Ю. Капов, А. Черев, В. Петухов, М. Ерофьев. Фото А. Ялыгина

ДАР НЕМЕЦКИХ ДРУЗЕЙ

100 тысяч документов из архива Брехта на фотопленке

28 МАЯ в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся торжественный акт передачи микрофильмов литературного наследия выдающегося немецкого поэта, драматурга и общественного деятеля Бертольда Брехта Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Церемонии передачи открыл председатель правления Общества советско-германской дружбы и культурной связи Константин Федин.

Вдохновенный поэт, драматург и замечательный режиссер, настоящий революционер сцены, Бертольд Брехт сохранился в памяти не только людей, лично знавших его, но и в памяти огромного числа зрителей, сказал К. Федин. Огромное наследие Бертольда Брехта, его поэтические, режиссерские и театральные труды сняты на микропленку его супругой — известной немецкой артисткой Еленой Вейгел.

100 тысяч кадров, занимающих около трех тысяч метров пленки, рассказывают о литературной и театральной деятельности писателя, раскрывают его творческую лабораторию. В частности, на фотопленке

О романтике и реализме

Речь Леонида НОВИЧЕНКО (Украина)

В СВОЕМ прекрасном выступлении Александр Т в ардовский несколько иронически коснулся вопроса о реализме и романтике. Но все же просто отмахнуться от такого вопроса нельзя, поскольку он реально возникает в литературной жизни и о нем спорят, как, впрочем, по своему спорили во многие из предшествующих нам литературных эпох. И хотя во все века художники-практики говорили приблизительно так же, — что им, в общем, не важно, каким стилем это произведение написано, лишь бы было хорошо, — однако в то же время известно, что большинство из них имело очень ясное и определенное отношение к тем или иным стилистическим принципам. Уже поэтому о данном предмете стоит думать и говорить.

зывает романтической формой социалистического реализма. И он говорил, что, хотя в поэзии он воспитан на Некрасове, потребности его души не были бы удовлетворены без поэзии, подобной «Фаусту», «Демону» и «Чайльд-Гарольду».

Одной из характерных черт нашего съезда является то, что он проходит под знаком заботы о художественном богатстве литературы, о многообразии стилей и форм. Эти проблемы еще не пользуются должным вниманием теоретиков и критиков, в результате чего здесь не изжились, с одной стороны, всецело догматические представления, ведущие к унификации и нивелировке, а с другой — попытки (иной раз бессознательные) под флагом борьбы за многообразие приносить в наше гнездо всевозможные куклышки и ящички, то есть влияние формализма и разных западных мод.

ма с жизненной правдой. Но дело не в одном частном примере. Романтический стиль социалистического реализма — наряду с другими стилистическими течениями — нам в принципе нужен как форма сильного, масштабного, конденсированного выражения того героического пафоса, того душевного подъема, тех сильных и ярких чувств, которые рождаются в душе современника наш победоносный и нелегкий марш к коммунизму.

Нелепо было бы лишать литературу, воспевающую красоту новизнанного обновления мира, ее кроющего права на своего «Тараса Бульбу» и «Освобожденную Прометея», на своего «Фауста» и «Манфреда», хотя идейная и художественная природа их, если они появятся, будет новой, другой. Вот тут, кстати, законное и наиболее естественное место тому идеальному герою, вокруг которого было сложено столько дискуссионных копий!

Однако было бы огромной ошибкой, если бы, признавая правомерность различных стилистических течений в нашей литературе, скажем, формы романтической, и защищая ее от доктринеров и сектантов, мы хоть в какой-либо степени ослабили бы свое внимание и доверие к богатейшим, плодотворнейшим реалистическим стилистическим формам, которыми располагает наша литература и которыми определяется главная линия ее художественного развития.

Это особенно нужно подчеркивать тогда, когда у некоторых товарищей появляется склонность видеть в социалистическом реализме одну только его романтическую форму, склонность утверждать ее как самую важную национальную художественную традицию.

Приведу только одно соображение, показывающее однообразие подобных тенденций. Ни для кого не секрет, что во многих книгах наших писателей, в том числе книгах талантливых, самой слабой стороной является изображение духовного мира человека в тесной связи со всей жизненной средой, которая его формирует. Одна из больших художественных задач современности — развить и углубить искусство глубокого социально-психологического анализа, высокое умение раскрыть диалектику чувств современного человека. Но никакие другие стилистические формы и средства, включая гиперболическое преобразование жизни романтизмом, и всяческого рода условности не способны с таким успехом служить этой цели, как конкретное реалистическое изображение жизни, одухотворенное

большими идеями и высокими душевными порывами художника.

Я об этом говорю потому, что слишком форсированная романтическая приподнятость, скажем, в эпической прозе, иной раз может не помогать, а даже в известной мере мешать многогранному раскрытию жизни, в частности объективности, полноте, «трехмерности» характера. Мне кажется, что об этом следует подумать некоторым талантливым прозаикам и поэтам, в том числе и у нас, на Украине.

Вот тут перед нами стоит задача действительно новаторская в художественном отношении: свою родную украинскую лиричность и романтический напев сочетать с овладением огромным современным реалистическим арсеналом, особенно в области раскрытия духовного мира человека, арсеналом, разработанным Толстым, Чеховым, Горьким и другими мастерами отечественной и мировой литературы.

Нужно полностью поддержать восстановление в нашем Уставе положения об исторической конкретности как одной из важнейших художественных примет социалистического реализма. — Помимо всего прочего, это будет хороший теоретический барьер против субъективизма, дурной условности и оторванности от жизни псевдоромантики.

Сделаем же все для того, чтобы великая литература социалистического реализма заняла самое достойное и видное место в ряду политических, духовных, культурных и нравственных побед семилетия, которые будут завоеваны под водительством нашей родной партии. (Аплодисменты).

Вдохновляющий пример

Речь Лазара СИЛИЧИ (Албания)

ЕСЛИ бы всего восемнадцать лет назад с этой почетной трибуны выступил албанский писатель, большинство слушателей наверняка сказали бы: албанский писатель? А что, разве существует албанская литература?.. Существует уже четыре века, она не была известна за пределами Албании, ибо полуфеодалная Албания была только разменной монетой в руках горстки правителей, была всеми презираема и забыта.

Так было. А сейчас, когда албанский народ полностью свободен, когда у него есть хорошие, искренние друзья, наша литература становится все более и более известной, особенно в социалистических странах. В этом большая заслуга советских писателей. Своими переводами они сделали албанскую литературу известной во многих странах мира. Душевное вам спасибо за это, дорогие коллеги. (Аплодисменты).

Выступая в этом зале, я вижу перед собой лица многих моих хороших друзей. С некоторыми я познакомился еще в Албании, а здесь, в Москве, в дни съезда я приобрел многих новых друзей, горячо любящих Албанию. Я встретил здесь Аркадия Перевцева. Нам довелось работать вместе над созданием сценария о национально-освободительной борьбе албанского народа. Я и мои албанские соавторы по сценарию с глубоким удовлетворением замечаю, с какой любовью, с каким уважением отнесся советский писатель к нашей родине.

Я встретил здесь и другого моего друга, Расула Гамзатова. Мы с ним познакомимся давно, еще в Литературном институте. В наших биографиях много общего. Его отец, как и мой отец были поэтами. Оба мы родились в одном и том же году. И оба мы родились в горной стране. Но я думаю, что больше всего нас соединяет общность наших идей, общность наших стремлений. (Аплодисменты).

Я хочу обратиться также к большому числу других советских писателей, которые много сделали для ознакомления советских людей с Албанией: к Георгию Гуля, к моему другу по институту Во-

онистами, которые овладели нашей литературой, литературой стран социалистического лагеря, «приукрашивающими» действие вперед, бродя о бок со всеми народами, борющимися против колониализма, за прочный мир.

Мы не скрываем, что советская литература, первая поднявшая знамя социалистического реализма, была и остается для нас, албанских писателей, вдохновляющим примером. Но социалистический реализм — это не импортный товар, как представляло дело буржуазные идеологии и ревизионисты. Он утвердился у нас в результате объективного исторического развития нашей страны.

Разрешите, дорогие товарищи и друзья, передать вам самые душевные приветствия от албанских писателей и пожелать, чтобы произведения наших советских коллег поднимались на те высоты, на которые поднимает вашу страну Солнце славной партии Ленина. (Продолжительные аплодисменты).

Я ПЕРЕДАЮ вам три приветствия: от Союза бразильских писателей, от Жоржи Амаду и от меня лично: «Приветствие Третьему съезду советских писателей. Союз бразильских писателей, его отделение в Рио-де-Жанейро приветствуют советских литераторов, собравшихся на свой III съезд, и желают им самых больших успехов. Мы — прозаики, поэты, очеркисты, критики, новеллисты и газетные работники, объединенные под эгидой Союза бразильских писателей, ставим себе целью сплочение бразильских писателей и бороться за этические и профессиональные интересы писателей Бразилии и всего мира. Мы исполнены уверенности, что литература является одним из самых действенных средств, способствующих установлению взаимопонимания между народами. Именно поэтому мы встречаем с такой радостью III съезд советских писателей и счастливы приветствовать вас. Мы надеемся, что культурное общение между нашими странами будет расти и становится все более эффективным. От имени Союза бразильских писателей Перегрину ИЖУМОР, президент союза» Рио-де-Жанейро, 12 мая 1959 года.

Я прочту приветственное письмо Жоржи Амаду: «Дорогие друзья! В дни, когда все советские писатели собрались на свой III съезд, я хочу передать вам пожелание больших успехов в вашей работе, в ваших дискуссиях, в вашей творческой деятельности. Сейчас, как никогда раньше, писатели несут огромную ответственность перед человечеством; их долг — помочь делу сохранения мира и установлению взаимопонимания и дружбы между народами. Наша ответственность тем более велика, что мы — писатели — наделены способностью оказывать влияние, волновать и

убеждать. Писатели самых различных тенденций должны объединиться во имя укрепления мира и дружбы между народами. Великий вклад в это благородное дело вносит советская литература, отражающая стремление народов СССР к миру и человеческому братству. Я убежден, что все писатели понимают это и испытывают чувство благодарности к советской литературе за ее преданность идеям мира. Желаю, чтобы ваш съезд стал новой вехой на пути развития нашей литературы, новой, еще более высокой ступенью борьбы вашего народа за мир. Еще раз желаю вам больших успехов. Жоржи Амаду, Рио-де-Жанейро, май 1959 года.

Вы — мой братья!

Речь Энеиды МОРАИС (Бразилия)

Я ПЕРЕДАЮ вам три приветствия: от Союза бразильских писателей, от Жоржи Амаду и от меня лично: «Приветствие Третьему съезду советских писателей. Союз бразильских писателей, его отделение в Рио-де-Жанейро приветствуют советских литераторов, собравшихся на свой III съезд, и желают им самых больших успехов. Мы — прозаики, поэты, очеркисты, критики, новеллисты и газетные работники, объединенные под эгидой Союза бразильских писателей, ставим себе целью сплочение бразильских писателей и бороться за этические и профессиональные интересы писателей Бразилии и всего мира. Мы исполнены уверенности, что литература является одним из самых действенных средств, способствующих установлению взаимопонимания между народами. Именно поэтому мы встречаем с такой радостью III съезд советских писателей и счастливы приветствовать вас. Мы надеемся, что культурное общение между нашими странами будет расти и становится все более эффективным. От имени Союза бразильских писателей Перегрину ИЖУМОР, президент союза» Рио-де-Жанейро, 12 мая 1959 года.

Я прочту приветственное письмо Жоржи Амаду: «Дорогие друзья! В дни, когда все советские писатели собрались на свой III съезд, я хочу передать вам пожелание больших успехов в вашей работе, в ваших дискуссиях, в вашей творческой деятельности. Сейчас, как никогда раньше, писатели несут огромную ответственность перед человечеством; их долг — помочь делу сохранения мира и установлению взаимопонимания и дружбы между народами. Наша ответственность тем более велика, что мы — писатели — наделены способностью оказывать влияние, волновать и убеждать. Писатели самых различных тенденций должны объединиться во имя укрепления мира и дружбы между народами. Великий вклад в это благородное дело вносит советская литература, отражающая стремление народов СССР к миру и человеческому братству. Я убежден, что все писатели понимают это и испытывают чувство благодарности к советской литературе за ее преданность идеям мира. Желаю, чтобы ваш съезд стал новой вехой на пути развития нашей литературы, новой, еще более высокой ступенью борьбы вашего народа за мир. Еще раз желаю вам больших успехов. Жоржи Амаду, Рио-де-Жанейро, май 1959 года.

убеждать. Писатели самых различных тенденций должны объединиться во имя укрепления мира и дружбы между народами. Великий вклад в это благородное дело вносит советская литература, отражающая стремление народов СССР к миру и человеческому братству. Я убежден, что все писатели понимают это и испытывают чувство благодарности к советской литературе за ее преданность идеям мира. Желаю, чтобы ваш съезд стал новой вехой на пути развития нашей литературы, новой, еще более высокой ступенью борьбы вашего народа за мир. Еще раз желаю вам больших успехов. Жоржи Амаду, Рио-де-Жанейро, май 1959 года.

Едва ли я смогу прибавить, что-либо от себя лично к тем двум приветствиям, которые я вам передала. Я являюсь секретарем Союза бразильских писателей Рио-де-Жанейро. Я присоединяюсь к вам товарищам по правлению, приславшим вам приветствие, и желаю успешного завершения вашему съезду. Вместе с Жоржи Амаду — одним из крупнейших писателей Бразилии, неутомимым борцом за дело мира, я считаю, что сегодня, как вчера и завтра, мы, писатели различных стран мира, должны поддерживать честь своей профессии, борясь за мир во всем мире, и помогать средствами нашего творчества установлению наиболее полного и глубокого взаимопонимания между людьми.

Я бесконечно горда тем, что лагушусь сегодня среди вас — представляю собой многих литераторов мира. Мы говорим на разных языках, но это не имеет значения. У всех нас единое желание — бороться своим творчеством за дело мира. Это наш общий язык. Он нас объединяет. Благодаря ему мы понимаем друг друга. Я приветствую писателей всех стран, которые представлены на этом съезде, и в особенности советских писателей. Я говорю всем вам — вы мой братья! (Продолжительные аплодисменты).

ПРОГУЛКА

Леонид ЛЕОНОВ

Е ДВА открылась входная дверь. Заварихин легонько, чтоб не причинить вреда предельно престарелому организму, постаравшись переулочком Пуля, шагнул в прихожую и, в свою очередь почтительно обрвав, замер с каргузом на руке. За порогом открывалось обширное, хоть картины либо вывески писать, залитое светом помещение, — звезда цирка стояла посреди него, шагах в десяти от входной двери, слепя ладони на откинутах назад затылке и как будто на пределе если не полностью, по причине Пуля, одиночества, то неолидной тоски и, показавшись Заварихину, в черном, несмотря на двойное светлое утро. В действительности, на темном имелось на Тане — лишь коричневый звуковой плакат на плечах, так что обморок впечатлительного отчаяния складывалось из какого-то застарелого утомления и поминутно возникающих в облачном небе и точках пропажающих промолгов. Но по всему было похоже, что Таня стояла так уже бесконечно долго, приунывшая и покачиваясь подобно маятнику, между тем как все буквально остановилось вокруг нее и, кабы не Заварихин, простояла бы вдвое дольше — в потоке вгрозившегося через окно зеленоватого рассеянного света, в напруженном ожидании чего-то, что в ее возрасте просто могло и не произойти.

На днях Л. М. Леонов закончил новую редакцию романа «Вор», впервые опубликованного в 1927 году. Мы печатаем сегодня отрывок из этого романа. Действие его происходит в годы иппа. Николай Заварихин, выходец из деревни, мелкий торговец, с большими, однако, намерениями и затеями, при скандальных обстоятельствах знакомится с циркачкой Таней Векшиной — Геллой Вельтон по афише, — крайне неустроенной в жизни. Некоторое время спустя, по настоянию и замыслу действующего в романе сочинителя Фирсова, Заварихин отправляется на квартиру, где артистка проживает вместе со старым Пулем, своим цирковым наставником, который когда-то учерчил ее, бездомную девочку, и сделал ее знаменитостью отечественного мажента. Роман в нынешнем году предполагается выпустить отдельным изданием в Гослитиздате.

Она блуждала ароматная телятина гарь. Вельдона, Таня, со стариком существовали налегке, в состоянии проезда из одного цирка в другой, и обеды брали из ближайшей столовой. С убедительной искренностью Заварихин отказался наотрез: он уже пообедал — по-крестьянски, в полдень, «чтобы больше дня оставалось вперед!» Да и отравлялся он сюда не раскинувшись в ваперти, а захватив с собою звезду цирка да и закатиться куда-нибудь до вечеринки! Неизвестно, что происходило здесь за минуту до заварихинского вторжения, видно что-то мучительное, зашумевшее, садное — судя по тому, как Таня с еле приметной благодарностью потянулась к нему, лишь бы не раздумалась: «Хорошо... только не зовите меня звездой цирка, ладно? Не люблю... Но куда, куда?» — А куда глениется, слава-те, вольные покая. Вы кушайте, а я огляжусь, на картинку наши полюбуюсь. — и со вздохом приторной заиски обвел глазами развешенные по стенам афиши. — Все про вас? — Про меня... — горько улыбнулась Таня. — Славы-то, захлебнешься!

Она скользнула по нему умоляющим близоруким взором: — Не завидуйте: слава высокая гора, выше — страшней. Ладно, посидите... мы с Пулем быстро пообедаем! И тогда-то черт толкнул Заварихина напомнить артистке про невинную, всюду, шелковую петельку на афишах, местами влетевшую даже в орнамент. Он все равно не понял бы никогда, почему такими напуганными глазами взглянул на него старик, почему до конца обеда сама она не отрывалась на вопрос и шутку, только ту же куталась в платок, так что заострялись плечи: впрочем, Заварихин тоже поживался, когда ветер с налету сочился смятым кирпичным кладку, заставляла дребезжать оконные стекла.

Заварихин, непрощенный на пороги приперся... — назвался он с запинкой понятной невольности и выдыхая вкислый чад подгоревшего теста с какой-то особой завлекательной начинкой. — Но ежели не повременя, так вы со мною не стесняйтесь... опять же я вам тут в сенцах наследил! — Сыро на улице? — не узнавая своего голоса, все равно о чем, спросила Таня. — Имеется кое-где, но через часок-другой ведре обсушит... А то дальничком шевельните, вмиг назад сползает.

Заварихин, непрощенный на пороги приперся... — назвался он с запинкой понятной невольности и выдыхая вкислый чад подгоревшего теста с какой-то особой завлекательной начинкой. — Но ежели не повременя, так вы со мною не стесняйтесь... опять же я вам тут в сенцах наследил! — Сыро на улице? — не узнавая своего голоса, все равно о чем, спросила Таня. — Имеется кое-где, но через часок-другой ведре обсушит... А то дальничком шевельните, вмиг назад сползает.

